

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук Анохиной Юлии Юрьевны на тему «Поэтика пространства и времени в книге стихов “Сумерки” Е.А. Боратынского» по специальности 10.01.01. – «русская литература»

Герой В. Тихонова из фильма «Доживём до понедельника» оказался прав: Боратынского действительно перевели из второстепенных в первостепенные. Поэт, существовавший рядом с Пушкиным, – и сумевший сохранить «лица необщее выраженье», остаться оригинальным, причём оригинальность эта в сознании читателей с течением времени только возрастает. Пушкинская формула «Баратынский у нас оригинален, ибо мыслит» – на долгие времена задала вектор научного движения и сделала поэзию Боратынского притягательной для филолога. Чтобы разгадать загадку его поэзии, уже два века подряд предлагаются всё новые концепции и подходы – и диссертационное исследование Ю.Ю. Анохиной представляется очень актуальным и своевременным.

Ставшее расхожим выражение, что объём написанного об авторе значительно превышает объём написанного самим автором, для Боратынского абсолютно справедливо.

Работа Ю.Ю. Анохиной сразу поражает своей богатой историографической и библиографической оснащённостью. Автор демонстрирует отличное знание научной литературы о творчестве Боратынского в целом и о «Сумерках», в частности. При чтении возникает стойкое ощущение, что, кроме, собственно, текста «Сумерек», у диссертации есть ещё один очень важный предмет – научные статьи о них: ни одна строчка поэта не обходится без перекрёстного интерпретационного сопровождения. Такое полифоническое построение придаёт исследованию дополнительную многомерность: позволяет увидеть итоговую книгу поэта в многочисленных и разнообразных научных зеркалах. Развёртывание

собственной концепции в постоянном диалоге с исследователями творчества Боратынского (в том числе самыми маститыми) требует от диссертантки большой научной смелости. По сути – автору приходится учиться у своего поэта: оказаться оригинальным, выдержать сравнение с признанными боратынскооведами.

Есть ли у Ю.Ю. Анохиной собственный подход, собственная призма? Безусловно, есть.

Исследование обладает несомненной теоретической и методологической ценностью. Новизна работы – в смене оптики: «Хотя в работах исследователей неоднократно указывалось на структурообразующую роль пространства и времени, но детальное описание принципов создания модели мира в книге пока не предпринималось» (с. 23). Стремление понять, на чём держится внутреннее единство книги, описать сам механизм создания модели её мира, её поэтического организма, во всех внутренних взаимосвязях, оппозициях, противоречиях его пространственно-временной структуры – действительно очень достойная цель.

Единство любого поэтического мира держится на системе органически взаимосвязанных оппозиций. Интерпретация произведения сквозь их призму позволяет постоянно «поворачивать калейдоскоп», рассматривать строение с разных ракурсов, видеть архитектонику книги. Ю.Ю. Анохина в качестве главной оппозиции выделяет оппозицию «земля/небо». И далее рассматривает оппозиции более глубоких уровней внутри каждой из частей этой основной дихотомии.

Структура работы вполне логична. Три главы позволяют охватить весь спектр мира книги – и по вертикали, и по горизонтали. В первой главе пространство, во второй время, в третьей – своего рода синтез: мотивная структура всей книги. В основу анализа совершенно естественно положена дихотомия «буквального» / «метафорического» – говоря словом Квинтилиана дихотомия «Res/Verba» («слова» / «вещи»).

Предложенная матрица позволяет увидеть мир книги с разных ракурсов – его макрокосм и микрокосм, в их взаимных отражениях, и место и роль Поэта в этом мире. Ю.Ю. Анохина подробно и с явным удовольствием разбирает ключевые топосы, формирующие мир книги. Однако приходится отметить некоторую путаницу в использовании понятий «мотив» и «топос». На с. 32 слово «топос» зачем-то взято в кавычки. Большинство рассмотренных в работе топосов («природа», «небо», «земля», «светила», «времена года», «смерть», «вино», etc.) не изобретение Баратынского; они достались ему в результате длительного развития. В будущем было бы интересно проследить взаимоотношений Баратынского с традицией в отношении этих ключевых топосов. Здесь была бы полезна книга Курциуса «Европейская литература и латинское средневековье», к сожалению, в библиографии на данном этапе отсутствующая.

Для достижения поставленной цели совершенно логично выбран метод имманентно-структурного анализа с элементами герменевтики. Именно медленное чтение, с постоянными возвращениями, с постоянной сменой ракурса и обеспечивает успех в деле описания единого поэтического мира – во всех его деталях, красках, звуках. Особенно важно такое медленное чтение при описании пограничных, переходных состояний – столь важных для поэтики Баратынского (между снами и явью, между жизнью и смертью, между метой и реальностью, etc.). Искусное филологическое описание таких чисто Боратынских ситуаций – сильная сторона работы.

Исследование, посвящённое интерпретации поэзии, всегда таит в себе определённую опасность для его автора. Оппонент не может не перечитать анализируемое произведение – а значит, не может не начать рисовать собственную картину поэтического мира, не может не уйти в сторону умножения «возможных миров».

Не избежали подобного соблазна и мы. В порядке одного из возможных вариантов интерпретации может быть продуктивен и микрофилологический подход – более глубокий анализ микроуровней текста

в их взаимосвязи; интерпретации книги сквозь призму системы повторов на разных уровнях текста (не только смысловом и мотивном, но и на микроуровнях – фонетики, грамматики, пунктуации, рифмы). Ю.Ю.Анохина постоянно отмечает цикличность, целостность, внутреннее единство книги. Но ведь оно и существует во многом благодаря системе повторов.

Приведём несколько беглых замечаний. Например, в работе много тонких наблюдений о звуке/беззвучии, о наличии/отсутствии голоса (например, у птиц); неоднократно по разным поводам цитируется строчка «Безмолвен лес, беззвучны небеса», а завершается сочинение анализом мотива пустоты. Но ведь эта аура пустоты во многом и создаётся за счёт грамматического повтора: многократного повтора частицы «без» на протяжении всей книги. В разговоре о топике звезды тоже можно указать на акустический эффект – вернее, на его отсутствие: «Не поражает ухо міра/Паденія ея далекою вой» (связь воя звезды и уха мира). Другой пример. Автор много раз возвращается к анализу функции следующих строк: *«Прощай, прощай сіяніе небесь! / Прощай, прощай краса природы!»*. Однако стоило бы обратить внимание и на риторическую сторону, на четырёхкратный повтор слова «прощай», на роль этой анафоры в создании семантического ореола текста. Эпиграмма «Филида» тоже построена на повторах: анадиплосисе («Филида с каждою зимою,/ Зимою новою своею...») и полиптотоне («За ризою ризу опуская») – создающих ощущение замедленного, но неуклонного движения к последнему ложу. Кроме того, здесь налицо и фонетическая оркестровка: аллитерация на «у» – тоже создающая ауру постепенного перехода.

Интересно было бы проанализировать и пунктуацию (многочисленные восклицательные знаки), и рифму. Например, традиционные рифмы «персты – отверсты», «очес-небес» могут дополнить совершенно справедливо начатый разговор о сочетании классического и романтического в тексте «Сумерек».

Описание бестиарного (автор пользуется словом «анималистический») слоя книги представляется несколько упрощённым и прямолинейным. Автор напрасно разделяет «животный мир» и птичий мир» и не включает в бестиарную картину книги муху (хотя о «метафизике мухи» сказано довольно подробно в связи с календарным временем). И кстати, нет ли в строчке «Красного лета отрава, муха досадная, что ты» явной отсылки к «Онегину» (Ох, лето красное! любил бы я тебя,/Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи)? Бестиарный слой произведения включает всех без исключения представителей фауны (и млекопитающих, и птиц, и рыб, и насекомых) во всём многообразии их символических и эмблематических свойств. Система бестиарных кодов – это особая призма, серьёзный метод интерпретации литературного произведения. Может быть, стоит включить её в свой исследовательский арсенал.

Тесная связь с поэзией современников постоянно отмечается в работе: упоминаются имена Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Ф. Глинки, Вяземского, Дельвига. Но в разговоре о топике осени не вспомнить имя Андрея Тургенева, автора важнейшего для русской элегической школы текста, кажется, по меньшей мере, странным – тем более, что есть прямая отсылка: строчка Баратынского «И, потемнев, запенится река» сразу вызывает в памяти строчку А. Тургенева: «И грозно пенится ревущая река».

Но – повторяем – все эти замечания происходят просто от неисчерпаемости текста Баратынского. Картина, созданная Ю.Ю. Анохиной, вполне убедительна, подробна и хорошо прорисована, полна очень тонких и ценных наблюдений.

Добавим ещё несколько мелких замечаний. На с. 58 появляется неологизм «романтицизм». На с. 66 глас врана назван «вороньим» – это определение скорее подошло бы вороне; а ворону оно подходит мало. На с. 82 глаголы «доверил, вдался, закрылся» отнесены к несовершенному виду. Единственная библиографическая придирка: на с. 98 при анализе стихотворения «Предрассудок! Он обломок...» указывается на его

эмблематический слой, в связи с чем упоминается работа А.Е. Махова «Державинская теория лирики в европейском контексте» – но без сноски. В списке литературы эта статья также отсутствует. А привлечение эмблематики (и соответственно, работ Махова в этой области) к интерпретации поэзии Боратынского – очень перспективное направление.

Подведём итог. Диссертация Ю.Ю. Анохиной – целостное самостоятельное исследование, выполненное на высоком научном уровне. Актуальность, новизна, теоретико-методологическое и практическое значение не вызывают сомнений. Авторская концепция и выводы обоснованы, научные положения, сформулированные в диссертации, являются новыми. К моменту выхода на защиту работа прошла серьёзную апробацию на представительных научных конференциях; автореферат и публикации в полной мере отражают её содержание.

Высказанные замечания носят частный и дискуссионный характер и не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.01. – «русская литература» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Анохина Юлия Юрьевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «русская литература».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
старший научный сотрудник кафедры

литературно-художественной критики
и публицистики факультета журналистики
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»
Кулагина Ольга Львовна

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.01 – русская литература

Адрес места работы:

125009, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1, ауд. 215.

ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

факультет журналистики, кафедра
литературно-художественной критики

и публицистики

Тел.: + 7 (495) 629 60 25; e-mail: tanyaslepova@gmail.com

Подпись сотрудника ФГБОУ ВО
«Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Кулагиной Ольги Львовны удостоверяю:

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЮ
ЗАВ. КАНЦЕЛЯРИЕЙ
ЛЯМИНА И. В.

